

УДК 340:2:327(571.5)(091)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99>

Этноконфессиональные и геополитические аспекты межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI в.: опыт теоретико-эмпирического анализа

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Целевой установкой данного исследования стало рассмотрение вопросов теоретического и эмпирического порядка процессов межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI в. в этноконфессиональном и геополитическом аспектах. В рамках реализации задачи исследования рассматриваются теоретико-методологические и структурно-функциональные аспекты межкультурной коммуникации в этноконфессиональном пространстве Восточно-Сибирского региона. Анализируются методологическая корреляция процессов межкультурной коммуникации и интегральных интенций государственной политики в идеологической сфере общественных отношений. Делаются выводы об актуализации и базисном характере антропологического подхода при рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства. На основе миссионерских интенций Римско-католической и Русской православной церковью определяются объект-предметный и субъектный параметры структуры правовой коммуникации с учетом геополитических характеристик государственного контроля над единством социокультурного пространства.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Восточная Сибирь, методология, структура, этноконфессиональное пространство, Русская православная церковь, Римско-католическая церковь, геополитика.

Для цитирования: Арзуманов И. А. Этноконфессиональные и геополитические аспекты межкультурной коммуникации в Восточной Сибири конца XX–XXI вв.: опыт теоретико-эмпирического анализа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 99–108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99>

Введение. Вопросы, связанные с межцивилизационным характером общественных отношений в их макро- (межсоциально-групповой) и микро- (межличностной) природе, особенно остро встали в XX в., наступление которого ознаменовало активизацию межкультурных контактов практически во всех сферах жизни и во всех регионах. Военно-геополитический контекст данных процессов в первой половине XX столетия, после окончания Второй мировой войны и создания геополитических военных союзов в Западной и Восточной Европе (по линии Запад – Восток, капитализм – социализм) усилился за счет идеолого- и социально-политической стратификации государств.

В гуманитарной сфере научных и прикладных изысканий проблема поиска оснований к вопросам коммуникации привела к появлению ряда направлений, в рамках которых была поставлена задача не только объяснить, но и методологически обосновать осмысление специфики проблем процессов коммуникации – как межличностной, так и межсоциально-групповой.

Тезис идентичности культуры и коммуникации (Culture is communication [5, с. 119]), выдвинутый американским антропологом и лингвистом, основателем теории межкультурной коммуникации Э. Холлом, по сути, определил видение социально-гуманитарных форм не только глобальных, но и локальных коммуникативных процессов в качестве оценочного начала процессов изменения культуры. Определяя непосредственную, неформальную сторону социального межличностного прежде всего общения носителей разных традиций в ранге базового начала коммуникативной теории [Там же, с. 118], Э. Холл закладывает фундамент, на котором вполне успешно могут выстраиваться и современные рефлексии теоретико-, а также этнолого-правового порядка с учетом их контекстной, антропокультурологической обоснованности.

Целевые установки управляемых политическими институтами макро-социальных коммуникативных процессов подразумевают достижение социально-политической и гуманитарно обусловленной стабильности, минимизирующей дискриминационные и конфликтные ситуации по религиозно-национальному или языковому признакам¹.

Достижение этой цели посредством управленческой деятельности государства предполагает две формы осуществления им интеграционной и идеологической функций: организационную (включающую в себя организационно-регламентирующую, организационно-хозяйственную, организационно-идеологическую формы) и правовую (включающую в себя правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную формы). В своей совокупности данные формы и функции определяют и конкретизируют пути практической реализации внутренней и внешней политики государства² в различных сферах общественных отношений.

Методологические подходы. При рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства актуализируется антропо-культурологический подход, связанный с ментальными цивилизационными характеристиками, детерминирующими как нравственно-аксиологические, так и социополитические аспекты права в пространственных измерениях, поскольку «духовно-культурные формы этнокультурного сознания имеют конкретную цивилизационно-территориальную и этноконфессиональную стратификацию» [1,

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477. (далее – Стратегия). П. 4.2 «а».

² И в рамках национальной политики, предполагающей выработку системы «стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства» (Там же).

с. 123]. Этноконфессиональная страта общественных отношений специфична субъектным составом микро- (межличностный уровень межкультурной коммуникации) и макроуровня, в который включены не только социальные группы – народы, национальности, этнические общности и этноконфессиональные группы, но и организационно-правовые формы данных сообществ как фактор политических отношений (например, общины коренных малочисленных народов, централизованные и нецентрализованные религиозные организации, национально-культурные автономии и пр.). Посредством данных форм реализации государством своих функций группы людей разной этноконфессиональной принадлежности участвуют в политических, экономических и социально- и межкультурных отношениях и взаимодействиях с иными социальными институтами в процессах обеспечения своих этнокультурных потребностей и интересов (ст. 7477, п. 4.2 «д», «е», «ж» Стратегии).

К объектам взаимоотношений в процессах межкультурной коммуникации в этноконфессиональной сфере прежде всего необходимо отнести собственно общественные отношения, целевой установкой которых с позиций интересов общества и государства является достижение взаимопонимания между социальными общностями при объективном наличии разницы конфессионально детерминированных и этнокультурных оснований. Последнее – достижение межэтнического и межрелигиозного согласия между различными этноконфессиональными субстратами социокультурного пространства – и определяет собственно содержание предмета межкультурной коммуникации в данной сфере общественных отношений³.

Основные результаты. Рассмотрим данные положения на примере миссионерских интенций Римско-католической церкви в Восточно-Сибирском, Дальневосточном и Центрально-Азиатском регионах.

К началу XX в. католиков в Иркутской губернии насчитывалось до 30 тыс. человек. Кроме Иркутска, к этому периоду католические приходы были сформированы в ряде городов и поселений региона (в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Красноярске, Усолье-Сибирском, Слюдянке). Институционально к началу же XX в. наличие такого количества приходов было структурировано посредством создания апостольской администрации для Дальнего Востока с центром во Владивостоке. В советский период институты римокатолицизма разделили судьбу всех религиозных образований. И нормализация их деятельности началась с 90-х гг. XX в. В 1991 г. иркутский приход был восстановлен и функционировал в рамках образованной Ватиканом Азиатской апостольской администрации.

Процессы дальнейшей структуризации римско-католических институтов характеризовались рядом особенностей, в том числе и геополитического порядка. Прежде всего речь идет о миссионерских интенциях Римско-католической церкви, имеющих не только внутрисибирский, но и центральноазиатский и дальневосточный векторы. Так, в мае 1999 г. из азиатской части апостольской администрации для католиков латинского обряда

³ Данный тезис согласуется с положениями п. 4 «д» Стратегии.

России была выделена апостольская администрация для католиков латинского обряда Восточной Сибири, преобразованная в свою очередь в епархию Св. Иосифа с центром в г. Иркутске. В границах созданной епархии находится ряд восточносибирских и дальневосточных регионов⁴ [5] с общей площадью более чем 10 млн кв. км. Структурно обширная территория епархии делится на деканаты: Иркутский⁵, Красноярский⁶, Якутский⁷, Владивостокский⁸ и Магаданский⁹ [Там же]. Что касается проблем бытования римокатолицизма на территории Российской Федерации, то, с одной стороны, католическая церковь и ее институты нельзя назвать нетрадиционными для пределов России, учитывая многовековые традиции ее пребывания и количество верующих. С другой, нельзя не отметить обострившиеся (особенно в связи с процессами постсоветского возрождения Римско-католической церкви в начале XXI в.) противоречия между Русской православной церковью Московского патриархата (далее – РПЦ МП) и институтами Римско-католической церкви, преимущественно связанные с вопросами прозелитизма¹⁰ [4] и канонической территории¹¹ РПЦ МП, границы которой, по мнению ее иерархов, нарушаются миссионерской деятельностью Римско-католической церкви. Проблема встала особенно остро с распадом СССР и началом процессов возрождения структур как РПЦ МП, так и римокатолицизма в Российской Федерации. Обвинения в попрании принципа канонической территории звучали не только со стороны иерархов РПЦ МП¹², но и в достаточно жесткой форме в различных конфессионально ангажированных СМИ. Доктринальный посыл, связанный с апостольским правилом¹³ [3], за-

⁴ Кроме Иркутской области, республики Бурятия, Якутия, Тыва, Хакасия, Красноярский, Забайкальский, Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Амурская и Магаданская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Включающий в свой состав приходы в Ангарске (приход Св. Иосифа), Братске (приход Св. Кирилла и Мефодия), Листвянке (Духовный центр епархии Святого Иосифа, Дом им. Иоанна Павла II «Единение»), Слодянке (приход Св. Георгия), Усолье-Сибирском (приход Св. Рафаила Калиновского и монастырь Сестер Кармелиток Босых), Улан-Удэ (приход Святейшего Сердца Иисуса), Чите (приход Святых Петра и Павла). Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁶ Приходы в Красноярске, Боготоле, Канске, Ачинске, Норильске, Абакане. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁷ Приходы в Алдане, Нерюнгри, Якутске. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Приходы в Владивостоке, Арсеньеве, Лесозаводске, Находке, Уссурийске, Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ Приходы в Магадане, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске // Сайт Св. Иосифа в Иркутске. URL: <http://curiacat.irk.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁰ Стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру.

¹¹ Под канонической территорией в РПЦ МП подразумевается «понятие, закрепляющее определенную территорию за определенной православной общиной (например, поместной церковью), где всякая религиозная деятельность иных общин воспринимается как недружественный прозелитизм».

¹² В бытность свою председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) направлял председателю Папского совета по содействию христианскому единству кардиналу Вальтеру Касперу сопроводительное письмо (от 25 июня 2002 г.) к справке со свидетельствами, касающимися прозелитической деятельности католиков на территории России.

¹³ Основанным на Священном Писании: Ап. Павел. (Рим. 15.20: «Я старался благовествовать не там, где уже известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании»).

прещаящим епископу священнодействовать на территории чужой епископии, объективно корректируется в процессах массовых миграций, в условиях которых данный принцип отрицается Римско-католической церковью¹⁴. Обвинения в прозелитизме, по мнению ее представителей, не обоснованы, поскольку ее пастырская деятельность направлена, во-первых, на этнические субстраты, исторически принадлежащие к ее пастве (поляки, латыши, литовцы и т. д.), а во-вторых, вызваны тем, что римокатолицизм в своей миссионерской и пастырской деятельности проявляет большую активность и эффективность, чем структуры РПЦ МП¹⁵.

Геополитический ракурс проблем, связанных с прозелитизмом, а также с процессами формирования институтов Римско-католической церкви в регионе (вызвавшими острую реакцию православной общественности и имевшими конкретные правоприменительные решения со стороны государства), особенно ярко проявился в начале XXI в.

Ситуация, в частности, была связана с правовым статусом первого епископа новообразованной епархии Святого Иосифа Ежи Мазура, на момент регистрации учрежденной администрации не являющегося гражданином Российской Федерации. В силу данного обстоятельства в регистрации апостольской администрации Управлением юстиции Иркутской области было отказано. Но последующее за этим решение Ватикана переименовать региональную апостольскую администрацию в Апостольскую администрацию Восточной Сибири и префектуры Карафутто вылилось в достаточно жесткое противостояние геополитического окраса. Суть возникшего конфликта не только в том, что были нарушены положения Федерального закона 152-ФЗ от 18.12.1997 «О наименовании географических объектов», но и в том, что наименование «Префектура Карафутто» носила южная часть острова Сахалин, находящаяся в оккупационном режиме Японии с 1905 по 1945 г. Именно в силу данных обстоятельств акция Ватикана расценивалась как вмешательство во внутренние и внешние дела Российской Федерации. 10 апреля 2002 г. и Апостольская префектура Карафутто была переименована в Апостольскую префектуру Южно-Сахалинска. Впрочем, и этот акт был расценен в прежнем геополитическом ракурсе, поскольку Южный Сахалин назывался префектурой только в период японской оккупации. Последующее объединение созданных в рамках администраций епархий в митрополию, предпринятое папой Иоанном Павлом II в 2002 г., лишь усугубило негативный характер оценки сложившейся ситуации. В региональной проекции

¹⁴ Тем самым, по мнению некоторых православно ориентированных блогеров, не только ставя под сомнение традиционность самой РПЦ МП для России, но и становясь на одну сторону с многочисленными миссиями неохристианских деноминаций в 90-е гг. XX в., ведшими агрессивную миссионерскую деятельность по «евангелизации» местного населения. Сайт Якова Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/essays_vera/17_p_vera/prozelit.html (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ В упомянутой справке митрополита Кирилла на имя кардинала Вальтера Каспера упоминается в этой связи его высказывание в интервью итальянскому журналу «Чивильта каттолика» от 16 марта 2001 г.: «Русская православная церковь чувствует собственную пастырскую и евангельскую слабость и таким образом боится католического присутствия, которое в основном более эффективно на пастырском уровне, хотя оно и меньше в численном отношении» // Сайт Якова Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/essays_vera/17_p_vera/prozelit.html (дата обращения: 01.10.2021).

данные проблемы отразились как в отмечаемой структуризации институтов римокатолицизма, так и в характере деклараций планов пастырской и миссионерской деятельности. К началу XXI в. региональные структуры Апостольской администрации Восточной Сибири (с центром в г. Иркутске) насчитывали 43 прихода, 12 храмов и 21 часовню, в которых служили 28 епархиальных священника, 21 священник-монах и 47 сестер, принадлежащих к различным орденам.

Дискуссия. Взаимодействие между различными этноконфессиональными субстратами в большей степени касается задач государства по реализации интегративной функции в духовно-идеологической сфере. Определенные макрометодологические проблемы, связанные с этноконфессиональными субъектами межкультурной коммуникации, обусловлены объективными параметрами мультикультурализма России, где, как известно, проживает более 150 национальностей¹⁶.

В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2018 г., в п. 4 раздела «Просвещение и толерантность» ставится вопрос о взаимосвязи просвещения и формирования в общественном сознании религиозной толерантности в контексте развития различных типов межкультурного взаимодействия «на национальном и международном уровнях»¹⁷. Вопрос об этноконфессиональных аспектах межкультурной коммуникации в геополитическом ракурсе объективно касается спиритуально-пространственных категорий в транстерриториальном ключе.

Функционально-понятийным и практико-производным следствием понимания пространства религиозной культуры является рассмотрение конфессионального поля¹⁸ [2, с. 20] как поля прежде всего миссионерского. Миссионерские интенции мировых религий и их доминационных субстратов рассматриваются в русле трансформации социокультурного пространства в его этноконфессиональной стратификации как конфессиональные инновации¹⁹ [Там же, с. 21]. В «силовом» притяжении религиозно-мировоззренческих систем миссионерского поля как одного из видов пространств межкультурной коммуникации развиваются процессы как аккультурации, так и инкультурации, приводящие в конечном счете к той или иной мере мировоззренческой трансформации субъектов матричных этноконфессиональных культур. Межцивилизационное пограничье Восточно-Сибирского региона исторически является полем взаимодействия как христианских

¹⁶ Характеризуя этнокультурную специфику национального состава и возникающие при этом проблемы межкультурной коммуникации в целом, необходимо отметить, что согласно ч. 2 п. 10 Стратегии используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета (См. ст. 7477, ч. 2, п. 10 Стратегии).

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2018 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/73/L.52> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁸ Под которым понимается «пространство социокультурного континуума, смысловые, мировоззренческие приоритеты которого определяются совокупностью взаимодействий конфессиональных страт в их антропотологической специфике» [2, с. 20].

¹⁹ Под которыми понимаются появившиеся в исторически сформированном конфессиональном поле религиозно обусловленные направления, функционально размывающие традиционные мировоззренческие приоритеты, нормы общественных отношений и, как следствие, приводящие к трансформации конфессионального поля и дезинтеграции социокультурного пространства [2, с. 21].

(православие, католицизм, протестантизм и неопротестантизм) конфессий и деноминаций, так и буддистско-кофуцианских и автохтонных – шаманизма. Плавильный котел межкультурного взаимодействия в миссионерском поле религиозного пространства характеризуется двумя факторами, сложившимися в конце XX – начале XXI в.: с одной стороны, объективными процессами социально-экономической и гуманитарно-силовой глобализации в процессах межкультурных коммуникаций, а с другой – активизацией национальных политических институтов в осуществлении своих контрольных функций в области как экономического, так и духовно-идеологического пространств.

Именно в силу антиглобализационных интенций рубеж XX–XXI вв. отличается усилением этноидентификационных процессов, общих как для стран «большой традиции» (Китай, Россия, Иран), так и в целом для стран регионов Центральной и Юго-Восточной Азии. Роль этнокультурного и религиозного факторов в данных процессах в условиях России отражена в ряде принятых правовых актов программного и стратегического характера²⁰. Процессы этнокультурной и этноконфессиональной идентификации²¹ должны основываться на едином гражданском самосознании каждого субъекта общественных отношений, гипотетически принимающего фактическую мультикультурность федеративного государства в ее тотальной этнокультурной и языковой совокупности²². С другой стороны, не снимается объективное противоречие, возникающее между политическим волеизъявлением по формированию чаемого гражданского единства (как основы российской нации) и этнокультурным многообразием Российской Федерации²³, выраженным прежде всего в его этноконфессиональном спектре религиозного пространства.

Положения программно-стратегических документов, направленных на обеспечение мультикультурных факторов социального развития в его этнокультурном разнообразии (как предмета политико-правовой охраны), объективно не будут способствовать интегративным процессам в обществе по признаку его религиозно-конфессиональной стратификации в силу специфики доктринального уровня религиозного сознания. В данном случае, безусловно, присутствует макрометодологическая ловушка для попыток поиска

²⁰ См. напр.: О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2; О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3378; Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509 (утратил силу); О Стратегии государственной национальной политики ...

²¹ Дефиниция «гражданское самосознание», согласно положениям Стратегии национальной безопасности, определяется синонимом «общероссийская гражданская идентичность». Если соотнести данное понятие с понятием «этнокультурная идентичность», то возникает вопрос о мере их сочленения в позициях, связанных с этноконфессиональными истоками последней как фактора, дезинтеграционного по своей природе (п. «г» ч. 4.1 Стратегии).

²² Если учесть, что поддержание многообразия этнокультурного пространства является одной из приоритетных задач государственной национальной политики РФ, то вопросы превенции конфликтов на национальной и религиозной почве становятся действительной проблемой (п. «а» ч. 4.1 ст. 7477 Стратегии).

²³ Пункты 4.2 «д», «е», «ж» ст. 7477 Стратегии.

оснований, приводящих религиозно-конфессиональные страты к толерантному единообразию восприятия друг друга в процессах миссионерской деятельности прежде всего.

Не способствуют исправлению ситуации и новеллы в Конституцию РФ, принятые в 2020 г. Закрепленные в ч. 2 ст. 67.1 среди базовых ценностей российского общества исторические «идеалы и вера в Бога» как факторы развития и укрепления государственного единства не меняют задекларированного п. 1, 2 ст. 14 светского характера Российского государства, во-первых, и существующую де-юре модель государственно-конфессиональных отношений, во-вторых²⁴.

Выводы. Межкультурная коммуникация, понимаемая в широком смысле как макроуровневое взаимодействие различных социальных общностей и институтов социокультурного пространства, характеризуется субъектным составом, в который включены не только социальные группы – народы, национальности, этнические общности, этноконфессиональные группы, их организационно-правовые формы, но и государство как политический институт.

1. Этноконфессиональный субстрат коммуникативных процессов определяется как фактор, детерминирующий конкретную цивилизационно-территориальную и этноконфессиональную стратификацию. Прежде всего в геополитическом контексте, подразумевающим организацию государством процессов контроля над идеологическим пространством, в том числе и с использованием организационно-правовых форм осуществления интеграционной функции.

2. Антропокультурологический подход, связанный с ментальными цивилизационными характеристиками, обуславливающими как нравственно-аксиологические, так и социополитические аспекты государственно-правовых явлений в динамике межкультурной коммуникации, актуализируется при рассмотрении функциональной взаимосвязи государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства. В рамках данного метаподхода определяются объект-предметные параметры межкультурной коммуникации, в рамках которых к объектам взаимоотношений в этноконфессиональной сфере необходимо относятся собственно общественные отношения, к содержанию предмета – достижение межэтнического и межрелигиозного согласия между различными этноконфессиональными субстратами социокультурного пространства.

3. Процессы структуризации римско-католических институтов в межкультурной коммуникации с иными этноконфессиональными стратами отличаются геополитическими параметрами миссионерских интенций Римско-католической церкви как в российском, так и в центральноазиатском и дальневосточном векторах своего пространственного структурирования.

4. Межконфессиональные коммуникативные проблемы между РПЦ МП и римокатолицизмом в России обострились в связи с прозелитической дея-

²⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 2020. 4 июля.

тельностью Римско-католической церкви и обвинениями со стороны РПЦ МП в «попирании принципа канонической территории».

5. Программно-стратегические документы, направленные на обеспечение мультикультурных факторов социального развития в его этнокультурном разнообразии (как предмета политико-правовой охраны), объективно не будут способствовать интегративным процессам в обществе по признаку его религиозно-конфессиональной стратификации в силу специфики доктринального уровня религиозного сознания, при всех попытках приведения религиозно-конфессиональных страт к толерантному единообразию миссионерских интенций доктринального уровня религиозного сознания.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 249 с.
2. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансасиатском контексте (XX–XXI в.): автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008. 42 с.
3. Новый Завет. С параллельным переводом (на церковнославянском и русском языках). М.: Сибирская Благовонница, 2017. 1008 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т./ РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. Яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Hall E. T. The silent language. New York: Doubleday & Company, INC., Garden City, 1959. 242 p.

Ethno-Confessional and Geopolitical Aspects of Intercultural Communication in Eastern Siberia in the Late 20th and Early 21st Century: A Theoretical and Empirical Analysis

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The study is aimed at considering theoretical and empirical issues of intercultural communication in Eastern Siberia at the end of the 20–21 centuries in ethno-confessional and geopolitical aspects. To achieve this research task the author has considered theoretical-methodological and structural-functional aspects of intercultural communication in the ethno-confessional space of the East-Siberian region. The methodological correlation of the processes of intercultural communication and integration intentions of state policy in the ideological sphere of public relations has been analyzed. Their targets in macro-social communication processes are socio-political stability and minimization of deviations based on ethnic and confessional affiliation through the implementation of organizational and legal forms of state functions. The conclusions have been made about actualization and basic nature of the anthropocultural approach, when considering the functional relationship of state power and state policy in the field of religious space. On the basis of the missionary intentions of the Roman Catholic and Russian Orthodox Churches, the object-subject and subjective parameters of the structure of legal communication have been determined, taking into account the geopolitical characteris-

tics of state control over the unity of the sociocultural space. Interfaith communication problems between the Russian Orthodox Church and Roman Catholicism in Russia have worsened due to the proselytizing activities of the Roman Catholic Church in the East Siberian and Far Eastern regions and the lack of an elaborate regulatory framework enabling the government to control ideological space.

Keywords: intercultural communication, Eastern Siberia, methodology, structure, ethno-confessional space, Roman Catholic Church, Russian Orthodox Church, geopolitics.

For citation: Arzumanov I.A. Ethno-Confessional and Geopolitical Aspects of Intercultural Communication in Eastern Siberia in the Late 20th and Early 21st Century: a Theoretical and Empirical Analysis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 99-108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.99> (in Russian)

References

1. Arzumanov I.A. *Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya etnokonfessionalnykh otnoshenii: obshcheteoreticheskiĭ analiz* [Problems of state regulation of ethno-confessional relations: general theoretical analysis]. Monogr. Irkutsk, Irkutsk State Univ. Publ., 2019, 249 p. (in Russian)
2. Arzumanov I.A. *Transformatsiya prostranstva religioznoy kultury Baykalskogo regiona v transaziatskom kontekste (20-21 v.)* [Transformation of the religious culture space of the Baikal region in the trans-Asian context (20-21 centuries)]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2008, 46 p. (in Russian)
3. *Novyy Zavet. S paralelnym perevodom (na tserkovnoslavyanskom i russkom yazykakh)* [New Testament. With parallel translation (in Church Slavonic and Russian)]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2017, 1008 p. (in Russian)
4. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Ed. by A.P. Yevgen'yevoy. 4th ed. Moscow, Rus. YAz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/> (date of access: 01.10.2021). (in Russian)
5. Hall E.T. *The silent language*. New York, Doubleday & Company, INC., Garden City, 1959, 242 p.

Арзуманов Игорь Ашотович
доктор культурологии, доцент,
профессор, кафедра конституционного
права и теории права, Юридический
институт
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: arzumanov@mail.ru
ORCID 0000-0003-3216-7107

Arzumanov Igor Ashotovich
Doctor of Scieeces (Cultural Studies),
Associate Professor, Professor, Department
of Constitutional Law and Theory of Law,
Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: arzumanov@mail.ru
ORCID 0000-0003-3216-7107

Дата поступления: 01.10.2021

Received: October, 01, 2021